

John Jacob

JANE
FONDA

My Life So Far

ДЖЕЙН ФОНДА

Вся моя жизнь

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.111-94
ББК 84(7Сое)-44
Ф77

JANE FONDA
MY LIFE SO FAR

Печатается с разрешения компании FONDA, INC.
и литературных агентств JANKLOW & NESBIT ASSOCIATES
и PRAVA I PREVODI INTERNATIONAL LITERARY AGENCY

Автор идеи и составитель серии “На последнем дыхании”
СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Художественное оформление АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Фото автора на обложке © ANDREW ECCLES
и © EVERETT COLLECTION, 1963

Фонда, Джейн.

Ф77 Вся моя жизнь / Джейн Фонда; пер. с англ. Ю. Плискиной; послесл.
С. Николаевича. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной,
2017. — 654, [2] с. — (На последнем дыхании).

ISBN 978-5-17-102999-9

Джейн Фонда (р. 1937) — американская актриса, дважды лауреат премии “Оскар”, продюсер, общественная активистка и филантроп — в роли автора мемуаров не менее убедительна, чем в своих звездных ролях. Она пишет о себе так, как играет, — правдиво, бесстрашно, достигая невиданных психологических глубин и эмоционального накала. Она возвращает нас в эру великого голливудского кино 60–70-х годов. Для нескольких поколений ее имя стало символом свободной, думающей, ищущей Америки, стремящейся к более справедливому, разумному и счастливому миру. И еще она из тех женщин, которые не боятся жить. Вся жизнь Джейн Фонды — это захватывающий роман, от которого невозможно оторваться.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, главный редактор журнала “СНОБ”

УДК 821.111-94
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-102999-9

- © Jane Fonda, 2005
- © Ю. Плискина, перевод на русский язык, 2016
- © С. Николаевич, послесловие, 2017
- © А. Бондаренко, художественное оформление, 2017
- © ООО “Издательство АСТ”, 2017

Содержание

<i>Предисловие</i>	7
--------------------------	---

АКТ ПЕРВЫЙ НАКОПЛЕНИЕ

ГЛАВА 1.	<i>Бабочка</i>	17
ГЛАВА 2.	<i>Голубая кровь</i>	33
ГЛАВА 3.	<i>Леди Джейн</i>	53
ГЛАВА 4.	<i>Тайгертейл</i>	60
ГЛАВА 5.	<i>Куда мне идти?</i>	71
ГЛАВА 6.	<i>Сьюзен</i>	87
ГЛАВА 7.	<i>Голод</i>	96
ГЛАВА 8.	<i>В ожидании смысла</i>	113
ГЛАВА 9.	<i>Переломный момент</i>	131
ГЛАВА 10.	<i>Наложение кадров</i>	147
ГЛАВА 11.	<i>Вадим</i>	157
ГЛАВА 12.	<i>Ассистентка фокусника</i>	172
ГЛАВА 13.	<i>Оседлая жизнь</i>	190
ГЛАВА 14.	<i>“Барбарелла”</i>	199

АКТ ВТОРОЙ ПОИСК

ГЛАВА 1.	<i>1968</i>	211
ГЛАВА 2.	<i>“Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?”</i> ..	231
ГЛАВА 3.	<i>Возвращение домой</i>	241

ГЛАВА 4.	<i>Фотоотчет</i>	256
ГЛАВА 5.	<i>“Клют”</i>	275
ГЛАВА 6.	<i>Искушение вины</i>	290
ГЛАВА 7.	<i>Бунт и сексуальность</i>	301
ГЛАВА 8.	<i>Том</i>	317
ГЛАВА 9.	<i>Ханой</i>	331
ГЛАВА 10.	<i>Бамбук</i>	345
ГЛАВА 11.	<i>Напраслина</i>	368
ГЛАВА 12.	<i>Прощай, Одинокый рейнджер</i>	381
ГЛАВА 13.	<i>Последний рывок</i>	390
ГЛАВА 14.	<i>Я вернулась!</i>	412
ГЛАВА 15.	<i>Фитнес</i>	440
ГЛАВА 16.	<i>Призрак</i>	456
ГЛАВА 17.	<i>Синхронность</i>	465
ГЛАВА 18.	<i>“На Золотом пруду”</i>	478
ГЛАВА 19.	<i>Прощание</i>	501
ГЛАВА 20.	<i>Кино</i>	508
ГЛАВА 21.	<i>Дар боли</i>	521
ГЛАВА 22.	<i>Феникс выжидает</i>	528
ГЛАВА 23.	<i>Тед</i>	551
ГЛАВА 24.	<i>Призвание</i>	577
ГЛАВА 25.	<i>Томление</i>	590

АКТ ТРЕТИЙ

НАЧАЛО

ГЛАВА 1.	<i>Шестьдесят</i>	605
ГЛАВА 2.	<i>В движении</i>	619
ГЛАВА 3.	<i>Я покидаю дом отца</i>	629
	<i>Эпилог</i>	638
	<i>Слова благодарности</i>	644
	<i>СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Акт III: вместо послесловия</i>	646
	<i>Фильмография</i>	652
	<i>Источники иллюстраций</i>	654

Предисловие

*Не зная собственной истории, мы обречены жить так,
словно это наш жребий.*

ХАННА АРЕНДТ

*Прошлое дает полномочия настоящему, и шаг за шагом,
ощупью пробираясь к настоящему,
мы намечаем дорожки в будущее.*

МЭРИ КЭТРИН БЕЙТСОН

Я родилась 21 декабря, в самый короткий день. Я представляю себе год в виде круга, в самом низу которого, в позиции 6 на циферблате часов, расположен декабрь. Когда же стрелки нового года начинают двигаться вверх, мне кажется, что я тоже поднимаюсь и иду против хода часов, чтобы через двенадцать месяцев завершить круг и спуститься обратно к самым коротким дням. Вот в такой день 1996 года, когда мне стукнуло пятьдесят девять, я поняла, что если я намерена прожить лет девяносто, то следующий цикл откроет занавес перед третьим актом моей жизни.

Я работаю в кино и в театре больше сорока лет, поэтому кое-что знаю о третьих актах. Вам доводилось смотреть пьесу, первые два действия которой были не вполне понятны, а в начале

третьего всё встало на свои места? Ага, сказали вы себе. Так вот зачем понадобилась та сцена в первом действии! Или наоборот, третье действие разрушало стройную картину, созданную в двух первых. Однако третий акт определенно играет ключевую роль, подытоживает и сводит воедино, казалось бы, разрозненные эпизоды первого и второго актов.

Но в жизни не бывает репетиций и вторых дублей — этим-то она и отличается от театра. Что есть, то есть, и лучше разобратся в своей жизни раньше, чем она подойдет к концу.

Для того чтобы третье действие прошло на ура, надо понимать, о чем шла речь в двух предыдущих. Чтобы понять, куда вы идете, надо знать, где вы находились. Пусть меня сочтут занудой, но я не хочу уподобиться Христофору Колумбу, который, отправляясь в путь, не понимал, куда плывет, добравшись до места, не понял, где очутился, а вернувшись домой, не осознал, где был. Поэтому мне в мой пятьдесят девятый день рождения было о чем поразмыслить.

Энн Ламотт в книге “Птица за птицей” пишет: “Хотите насмешить Бога — поделитесь с ним своими планами”. Верно подмечено. Но я не строю планов, когда думаю о своем третьем акте. Я просто хочу сказать, что для понимания прошлого мне потребовалось стать более дисциплинированной; чтобы воспринять уроки прошлого душой — то есть усвоить пройденное, — нужно было мужество, а чтобы я смогла использовать их в будущем, мне пришлось взять на себя обязательство проделать всё необходимое для этого. Это нелегко.

Однажды на стене балетной студии я увидела постер в рамке с изречением танцовщицы и хореографа Марты Грэм. Оно гласило: ДИСЦИПЛИНИРОВАННОСТЬ — ЭТО И ЕСТЬ СВОБОДА. Оксюморон, на первый взгляд, ведь жесткая дисциплина и свобода — понятия противоположные, не так ли? Но в данном случае под дисциплинированностью подразумевается не соблюдение строгих правил с неотвратимым наказанием за их нарушение. Имеется в виду, что вас необязательно держать на

коротком поводке — вы и так достаточно преданны своему делу и хорошо контролируете себя, прочные связи позволяют вам порвать цепи, а сила характера — быть мягким. Свобода требует целеустремленности, взвешенности решений, смелости и — да, да — дисциплинированности.

Я думаю о невероятной дисциплинированности, которая требовалась великому танцовщику Рудольфу Нуриеву, чтобы на какой-то миг освободиться от земного притяжения и взлететь. Думаю о выдающемся питчере Грегге Мэддаксе, много лет игравшем за “Атланта Брейвз”, и о его способности к самоконтролю, благодаря которой он мог расслабиться душой и телом, стоя на питчерской горке в самом начале девятого иннинга матча Мировой серии.

В моем случае дисциплинированность и обретение свободы предполагают признание и изгнание моих демонов, анализ прошлого и избавление от старых схем и убеждений, дабы высвободить пространство для спокойствия. Только при полном спокойствии я услышу слабый голос и пойму, куда он меня зовет. Назовите этот голос как угодно, но он звучал всегда, хотя во время моего второго акта — и коли уж на то пошло, на протяжении большей части первого — я сильно рисковала, прислушиваясь к нему.

Без дисциплинированности я не смогу стать свободной перед третьим актом и жить, понимая, что значит смерть.

Не хочу умереть, не выяснив, кто я есть.

Помните такие игрушки — надо было бросить в стакан с водой горстку твердых, сухих зерен, и они набухали там, образуя фантастические цветные подводные пейзажи? Вот и я бросаю в воду каждую отдельную минутку, чтобы она разбухла в нечто более объемное и полновесное, — так я понимаю дисциплинированность и жизнь с осознанием конца.

Чтобы вы поняли, почему я решила именно так подготовиться к третьему действию, вернемся на несколько лет назад, в те годы, когда мне еще не было пятидесяти. Мой отец умирал.

Я подолгу молча сидела у его кровати, надеясь, что он заговорит со мной, скажет, о чем он думает и что чувствует, в то время как его уносит от нас в вечность. Он ничего не сказал.

Раз он не мог прийти ко мне, я шла к нему. Я сосредотачивалась на его лице и старалась влезть в его тело, стать им. Помню, мне было очень грустно рядом с ним — и не потому, что он умирал, а потому, что он так и не сблизился ни со мной, ни с моим братом Питером. Он наверняка жалел об этом. Я на его месте жалела бы.

Этот опыт научил меня не бояться смерти. Но всё же я не хотела бы оказаться со всеми своими чувствами там, на краю жизни, когда не останется времени на то, чтобы расставить всё по местам.

Конечно, каждому из нас есть о чем пожалеть, результаты некоторых наших деяний мы хотели бы изменить или стереть. Отдельные эпизоды моей жизни преследуют меня неотступно — надеюсь, мне достанет мужества выстоять против них в этой книге. Но нет ничего хуже всяких “если только” и “что, если” — куда страшнее *не* сделать того, что вы должны были сделать, чем *сделать* то, чего не следовало. “Почему я не сказал ей, как сильно я ее люблю?” “Если бы мне хватило смелости проанализировать свои застарелые страхи!”

Ближе к шестидесяти я стала всерьез задумываться о таких вещах. Что-то начало меняться в моей душе — что, я не могла разобрать, пока не села за эту книгу. Тогда я поняла, что, если впоследствии не хочу ни о чем жалеть, надо назвать вещи своими именами и что-то с этим сделать уже сейчас, пока еще есть силы и здоровье. Надо было жить осознанно, и я понимала, что должна смело взглянуть на свои фобии — например, на страх близости.

Всё это обрушилось на меня в 1996 году, в день, когда мне исполнилось пятьдесят девять лет. Медлить больше нельзя. Через год мне будет шестьдесят. Одна моя подруга призналась, что прозевала свое шестидесятилетие, другой мой знакомый “ушел

в подполье”, как он сам выразился. Поймите меня правильно. Не желаю стариться и думать только о косметике и суставах. Но я непременно должна сделать то, что всегда делаю, если чего-то боюсь, — осторожно подобраться поближе к своему страху, детально изучить его и превратить в союзника. Врага надо знать в лицо — за много лет я неоднократно применяла это старое правило с пользой для себя. Так, после сорока, когда мне уже грозила скорая менопауза с неизбежными переменами, мы с моей подругой Миньон Маккарти потратили два года на исследование этой проблемы, работая над книгой под названием “Женщины вступают в возраст зрелости” о том, как подготовиться к менопаузе и старению. И когда пришло время перемен — гораздо позже, чем я предполагала, — я была к ним готова. Я знала, что можно выторговать у жизни, а что нельзя.

С такими мыслями я решила изучить свою жизнь до грядущего шестидесятилетия, чтобы принять его полностью и безоговорочно. Выводы, которые я сделала, оказались совершенно неожиданными. Рассматривая свои личные проблемы в более широком социальном контексте, я поняла, что все женщины проходят большей частью тот же путь — возможно, с некоторыми отклонениями и иными результатами, но по сути с теми же переживаниями. Это и подстегнуло меня к созданию моей книги.

К тому же я решила, что пора поделиться с читателями моими впечатлениями о пяти годах войны во Вьетнаме. Отчасти я хочу дать честный документальный отчет, но главным образом рассказать о том, что я вынесла из своего опыта — что я узнала о себе самой, о мужестве и покаянии. Самые важные уроки мне преподали американские военнослужащие, от которых я узнала, что, даже оказавшись в “сердце тьмы”, можно измениться и стать свободным, если сумеешь смело взглянуть правде в глаза и поведать о ней людям.

Чего только не говорили — и далеко не всегда благожелательно — о различных переменных в моей жизни и об их публичных проявлениях, о разных моих имиджах и о том, как мои мужчины

вливали на мой имидж. Сейчас я уже понимаю, что тогда происходило, и анализирую это в книге. Надеюсь, когда я говорю о девочке, которая теряет контакт с самой собой, со своим телом и вынуждена с огромным трудом, в борьбе, вновь обретать себя и свой голос, другие женщины увидят в этом сходство с собственными переживаниями. Кроме того, я считаю, что, *если* вы погружаетесь *в каждую фазу* полностью и *если* перемены ведут к развитию, меняться полезно. К добру или к худу, я отдавалась каждому жизненному этапу целиком, о чем не жалею, так как это позволяло мне учиться и развиваться. Надеюсь, моя книга наполнит фразу “жизнь — это путешествие, а не конечный пункт назначения”¹ плотью и кровью, ибо, по-моему, куда приятнее отправиться в путь и двигаться, нежели жить в предвкушении “прибытия”.

Моя жизнь менялась не всегда плавно — иногда скачками. Противясь ожиданиям общества, родных и коллег, я никогда не задумывалась о награде, которая ждет меня в конце моего блестящего пути, и теперь считаю, что меня спасло как раз отсутствие четкой цели в молодости. Если бы я от осторожности, лени или из соображений “нормальности” застыла бы на стоп-кадре в самом начале моей карьеры, я точно проспала бы свой третий акт... не исключено, что под действием снотворного.

Мне кажется, что мою жизнь можно рассматривать в связи с историями других людей и нашей нынешней эпохой именно благодаря ее переменчивому течению. Сегодня без гибкости и импровизации нельзя, однако родители по-прежнему давят на детей и хотят, чтобы те строили свою жизнь по их схеме — с младых ногтей принимали решение, кем стать, и всецело отдавались этой идее. А когда происходит какой-то сбой, дети думают, что они хуже других. Мы росли в ожидании очередного достижения — закончить университет, выйти замуж, когда

¹ Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882) — американский эссеист, поэт и философ. — *Здесь и далее цифрой обозначены примечания переводчика, звездочкой* — примечания автора.*

выбрать профессию и стать взрослой, — и преодоление этих рубежей должно было приносить удовлетворение. Юношеские мечты отступают перед “реальностью”, и вместо того, чтобы отстаивать свое право на *а что, если*, мы превращаемся в жертв того, что *есть*. Стабильность может обернуться ловушкой, особенно если вы стабильно совершаете ошибки, когда надо бы остановиться, признать свою ошибку и поменять курс.

Одно не вызывает сомнений — джинн “непрерывных перемен” выпущен из бутылки. Тектонические сдвиги в нашей глобальной социопсихоэкономической реальности превратили перемены в постоянно действующую норму! Я полностью согласна с суфийским поэтом Руми, который сказал: “Истинна лишь алхимия меняющейся жизни”. Моя собственная жизнь — безусловно, пример того, что зачастую перемены воодушевляют и помогают творить.

Я разделила свою книгу на три действия, или акта. Первое действие называется “Накопление”, потому что всё, что сделало меня *мною*, — принципы, переживания и шрамы, которые я залечивала в течение двух следующих актов и которые легли в их основу, — я накопила за первые тридцать лет.

Второе действие — “Искания”, так как именно тогда мои глаза открылись, и я принялась изучать мир, старалась понять то, что не укладывалось в узкие рамки меня самой и моей тогдашней жизни, спрашивала себя: зачем я здесь, как живут другие люди, могу ли я сделать жизнь лучше?

Последнее действие я назвала “Начало”, потому что... ну, таковы мои ощущения.

Жизнь на виду у всех не гарантирует личного покоя и счастья, но благодаря ее публичности мои разнообразные метаморфозы обретают общий смысл. Пока я писала книгу, обнаружилось еще одно преимущество: я могу приподнять верхний слой историй, к которым у вас, читателей, выработалось определенное отношение, и предложить вам взглянуть на события иначе, в новом свете.

На раннем этапе я “отрешилась от себя” — от своего тела — и большую часть жизни искала путь домой... к обретению себя. Мне стало это ясно лишь на седьмом десятке, когда я засела за свой труд. Я подумала, может, мое предназначение — в том, чтобы на примере собственного жизненного пути показать, как и почему люди иногда “абстрагируются” от себя (женщинам это особенно свойственно) и как, вновь возвращаясь к себе, добиться гармонии не только в себе, но и на всей планете. Я обнаружила, что потеря контакта со своим телом обернулась для меня невозможностью близости, и в середине моего второго действия я начала ее искать.

Я посвятила свою книгу маме. Мне было чрезвычайно важно найти путь к себе, чтобы восстановить гармонию. Понимаете, на протяжении чуть ли не всей моей жизни я чувствовала себя так, словно произошло непорочное зачатие наоборот — будто я рождена мужчиной без вмешательства женщины. По ряду причин — вскоре они станут вам ясны — я потратила слишком много энергии на избавление от всего, что связывало меня с матерью. И заплатила за это колоссальную цену. Посвятив эту книгу маме, тем самым я отмечаю новый поворот в своих попытках жить полноценно и осознанно.

Итак, это тебе, дорогая читательница. И тебе, мама, Френсис Форд Сеймур, — ты сделала всё, что могла. Ты подарила мне жизнь, боль и часть того, в чем я нуждалась, чтобы стать крепче там, где рвалось.

АКТ ПЕРВЫЙ

Накопление

По сути, всё сводится к созреванию и рождению.

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ. "Письма к молодому поэту"